

Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления

В.П. БАБИНЦЕВ, Б.В. ЗАЛИВАНСКИЙ, Е.В. САМОХВАЛОВА

В статье по материалам исследования «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)» проведен анализ причин распространения этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде и предложены направления противодействия этим негативным явлениям. Авторами выявлены некоторые особенности молодежного сознания, которые, не являясь экстремистскими, по своей сути, формируют предрасположенность к экстремистским убеждениям и действиям. В то же время, результаты опроса экспертов свидетельствуют, что для субъектов управления в настоящее время характерно применение упрощенных организационных схем профилактики и противодействия этим негативным явлениям в молодежной среде. А именно: неадекватное целеполагание, связанное с постановкой завышенных целей и формулировкой утопических по своей природе ожиданий; установка на сочетание двух форм противодействия экстремизму и ксенофобии – администрирования и воспитательной работы; смещение адресата – отсутствие ориентации на конкретные целевые группы, являющиеся наиболее вероятными носителями этих видов социальных отклонений. В сложившейся ситуации молодежь России выступает потенциальным резервом экстремизма и ксенофобии. А, следовательно, необходимо существенно изменить сам подход к проблеме и решить две принципиально важные задачи: демифологизации процесса распространения экстремизма и ксенофобии и технологизации противодействия этим негативным явлениям.

Ключевые слова: этнический экстремизм, ксенофобия, молодежное сознание, межнациональные отношения, национальная идентификация, национальная нетерпимость, этнические стереотипы; этнокультурное дистанцирование

Экстремизм в молодежной среде как межрегиональный исследовательский проект

Наращение межэтнической, межконфессиональной, политической ксенофобии и экстремизма стало опасной тенденцией в российском обществе, а их предотвращение – одной из важнейших задач российского государства и гражданского общества. В то же время, несмотря на наличие значительного количества публикаций по этой теме, проблема этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде во многих отношениях остается недостаточно исследованной. Но, хотим мы того или нет, в современных социальных условиях молодежь России выступает потенциальным резервом экстремизма и ксенофобии. В этой связи важными представляются эмпирические исследования, проведенные на материалах нескольких субъектов Российской Федерации.

Одно из таких исследований – «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)» – было проведено Центром социальных технологий Белгородского государственного университета по заказу Министерства регионального развития РФ в 2008 г. Целью исследования являлось научное обоснование мер, направленных на предотвращение проявлений этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи субъектов Российской Федерации, входящих в состав Центрального федерального округа. В рамках исследования были определены пять потенциально опасных для развития этих явлений областей ЦФО – Белгородская, Брянская, Воронежская, Курская и Орловская, поскольку именно в этих областях ситуация с распространением этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде осложняется рядом обстоятельств.

Во-первых, приграничным расположением этих областей. Миграционная привлекательность приводит к притоку в них трудовых ресурсов, добровольно переселяющихся соотечественников из-за рубежа.

Во-вторых, «борьбой» за рабочие места. Поскольку неконтролируемая миграция приводит к отказу коренным жителям в приеме на работу (т.к. проще взять бесправного и более дешевого иммигранта), то конкуренция с «варягами» за рабочие места также не способствует спокойной обстановке.

В-третьих, низким социально-экономическим уровнем развития приграничных районов, как России, так и Украины. Разница в ценах на отдельные виды товаров и продукцию способствуют развитию противоправной деятельности.

Исследование проводилось методом анкетного опроса в пяти регионах ЦФО (Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской и Орловской областях) и включало в себя опрос молодежи по методике многоступенчатой квотной выборки (N = 3000 респондентов). В качестве квотных признаков выступали: место жительства (город-село), пол, возраст. Для обеспечения объективности результатов, кроме анкетного опроса молодых людей, был проведен экспертный опрос для уточнения и интерпретации полученных данных (62 эксперта из различных субъектов ЦФО, отобранных по критериям уровня образования, профессиональной компетентности, наличия научных публикаций по проблемам национальной политики и национальных отношений).

В основе исследования лежала идея о том, что причины экстремизма и ксенофобии кроются в особенностях социального, социокультурного, политического статуса молодежи, которые отражаются на характере этнического сознания и поведения молодого поколения в сфере национальных отношений. Полученные результаты позволяют утверждать, что в настоящее время сравнительно незначительное число молодых людей включено в деятельность молодежных организаций экстремистского характера (их доля, по данным опроса, не превышает 2%).

«Социальный портрет» участника экстремистских формирований в обследуемых регионах ЦФО выглядит следующим образом. Это чаще всего молодой человек в возрасте 14–19 лет, обычно старшеклассник, либо уже окончивший школу, но не поступивший в среднее специальное или высшее образовательное учреждение. Это по преимуществу коренной житель, русский. Последнее обстоятельство, очевидно, не должно рассматриваться как свидетельство особой склонности именно русских к экстремизму, а логически отражает факт высокой этнической однородности регионов ЦФО. Наконец, вопреки иногда бытующему утверждению, экстремист – это не всегда люмпен, а скорее, молодой человек из семьи со средним достатком.

Несмотря на относительно незначительную долю молодых людей, в той или иной мере вовлеченных в экстремистские действия и в экстремистские организации в ЦФО, следует учитывать, что вокруг них существует своеобразная «экстремистская периферия». К ней относятся представители молодежи, диспозиция

личности которых содержит ряд установок и ориентаций, предрасполагающих к восприятию экстремистских мифов. Доля таких молодых людей, по экспертным оценкам, составляет в настоящее время до 15–20%. Исследование дает основание полагать, что профилактика экстремизма должна быть ориентирована, в первую очередь, на данную категорию. В этой связи необходим постоянный анализ потребностей, интересов, ценностно-целевых установок молодежи.

Специфика «экстремистского сознания»

Проведенное исследование дало возможность выявить некоторые особенности молодежного сознания, которые, не являясь экстремистскими по своей сути, формируют предрасположенность к экстремистским убеждениям и действиям.

1. Деформированная национальная идентификация. Анализ самоидентификации молодежи ЦФО показывает, что российская идентичность для большей ее части является приоритетной по сравнению с этнической, локальной и региональной. Большинство молодых людей (56,13%) ощущают себя, в первую очередь, россиянами. Имеются все основания утверждать, что процесс формирования общероссийской идентичности развивается поступательно: представители младших возрастных когорт в большей степени, чем старшие, ощущают себя россиянами. Данная тенденция, скорее всего, является естественным следствием укрепления российской государственности, сопровождающегося пропагандой российской идентичности и транслируемой, прежде всего, через институт школьного образования.

Представителями своего народа считают себя 12,1% респондентов. Значительная часть участников опроса (14,77%) воспринимают себя просто как жителей региона, города, района безотносительно к этнической общности. На первый взгляд, подобная позиция должна снижать вероятность распространения экстремизма и ксенофобии, но в реальности происходит обратное: выявленное распределение ответов несет в себе потенциальную опасность национального нигилизма, несмотря на то, что эта опасность не всегда проявляется. Но, в конечном итоге, недооценка собственной национальной идентичности является потенциальной предпосылкой для враждебного отношения к другим этносам, допущения насилия по отношению к их представителям. Экстремизм в данном случае выступает как результат понижения статуса ценностей национальности, национальной принадлежности.

2. Чрезмерно критическое восприятие межнациональных отношений и национальной политики. Молодежь ЦФО выражает довольно высокую степень удовлетворенности межнациональными отношениями и религиозной ситуацией в России, хотя она и несколько ниже, чем удовлетворенность своей жизнью и материальным положением своей семьи. Показательно в данной связи, что каждый пятый молодой человек убежден: национальная политика в России на региональном уровне не способствует формированию межнационального согласия и терпимости. В отношении политики федерального уровня такого мнения придерживаются 15,53% респондентов. Но при этом следует отметить, что 31% респондентов состоянием межнациональных отношений не удовлетворены. Это довольно большая доля молодых людей, настроенных по отношению к действиям государства в национальной сфере весьма критично, полагающих, что национальная политика не вполне соответствует запросам молодежи. Прежде всего, это относится к политике, реализуемой на региональном уровне. Это вполне естественно, поскольку именно региональные власти находятся ближе к респондентам и попадают в поле их внимания. К тому же национальные проблемы острее всего ощущаются на местах, преломляясь через призму индивидуальных потребностей и интересов.

Имеются все основания утверждать, что в очень большой степени критическая оценка национальной политики обусловлена недовольством молодых людей именно тем, как протекают миграционные процессы. Доля убежденных, что государственная национальная политика, проводимая на федеральном уровне, вполне способствует формированию межнационального согласия и терпимости среди молодежи, составляет 25,31% среди тех, кто положительно относится к притоку мигрантов в регион. В то же время среди считающих, что приток мигрантов следует ограничить и запретить, доля позитивных оценок национальной политики составляет 16,97% и 14,79% соответственно.

Таким же образом оценивается и эффективность национальной политики в регионе. Лишь 18,34% молодых людей убеждены: национальная политика, проводимая на региональном уровне, вполне способствует формированию межнационального согласия и терпимости среди молодежи. В то же время среди считающих, что приток мигрантов следует ограничить и запретить, доля позитивных оценок национальной политики составляет 11,34% и 13,83% соответственно. Аналогичным образом прослеживается и зависимость между удовлетворенностью состоянием межнациональных отношений и оценкой притока мигрантов в регион. Среди респондентов, позитивно оценивающих приток мигрантов, удовлетворенность состоянием межнациональных отношений в России (вполне и в основном) составляет 50,71%. А среди тех, кто считает, что приток мигрантов следует ограничить и запретить, такую удовлетворенность испытывают 46,72% и 34,98%. Неслучайно также молодые люди, положительно относящиеся к притоку мигрантов, демонстрируют и наиболее высокую степень удовлетворенности состоянием межнациональных отношений (12,03%), а наибольшую долю неудовлетворенных межнациональными отношениями мы выявили среди тех, кто категорически требует не допускать мигрантов в регион (38,91%).

При интерпретации оценки молодежью государственной национальной политики следует иметь в виду высокий уровень критичности молодежи по отношению к власти и политике в целом, объясняющийся во многом тем, что политика находится на периферии жизненных ценностей молодежи. Экстремизм в данном контексте может рассматриваться как реакция на просчеты в национальной политике.

3. Болезненная реакция на бедность и социальную несправедливость. Субъекты РФ, в которых проводилось исследование, являются довольно однородными в этническом отношении (92–95% русского населения). Учитывая это, эксперты фиксируют основную напряженность в этих регионах не в межнациональных отношениях, а в отношениях между населением и властью, между богатыми и бедными. Специалисты правомерно подчеркивают, что социальная несправедливость и коррумпированность власти становятся в настоящее время главными конфликтогенными факторами на региональном уровне и оказывают наиболее деструктивное влияние и на межнациональные отношения, стимулируя экстремизм и ксенофобию.

Особого внимания в данной связи заслуживала Воронежская область, в отношении которой сформировалось, основанное на реальных фактах, представление как об особенно рискогенном регионе в отношении национализма, экстремизма и ксенофобии. Анализ показал, что, действительно, по некоторым параметрам этническое сознание молодых воронежцев склоняется «в худшую сторону». В частности, молодежь этого региона (менее чем в других областях) удовлетворена состоянием межнациональных отношений в России; здесь ниже и уровень российской идентичности; респонденты чаще отмечают факты столкновения с проявлениями национальной неприязни. Воронежцы в большей степени убеждены, что национальная политика на федеральном и региональном уровнях не способствует установлению согласия и терпимости среди молодежи. Но по большинству иных параметров общественное мнение воронежской молодежи фактически не отличается от общественного мнения молодежи других регионов.

В этой связи возникает вопрос, в чем причина конкретных проявлений этнофобии и экстремизма в Воронежской области, в том числе и флуктуаций некоторых характеристик общественного мнения. На наш взгляд, следует обратить внимание на два обстоятельства: воронежские эксперты отмечают довольно высокий уровень конфликтности между богатыми и бедными, а также между властью и населением в области. Вполне вероятно, что острота социальных и социально-политических противоречий болезненно воспринимается молодыми людьми, которые пытаются найти выход своему недовольству, выместить его на конкретных объектах, которыми и являются представители национальных меньшинств, мигранты. Однако и в данном случае зависимости не являются жесткими, поскольку явные люмпены все же не составляют основу экстремистских организаций.

4. Национальная нетерпимость на бытовом уровне. Несмотря на достаточно спокойную обстановку в сфере межнациональных отношений в регионах, почти две трети молодежи утверждают, что сталкивались с проявлениями национальной нетерпимости (чуть больше половины – по отношению к другим людям, десятая часть – по отношению к себе), что свидетельствует о распространенности в регионах ЦФО бытового национализма, питающего экстремистские настроения. Национальная неприязнь чаще всего выливается в откровенное хулиганство, что может рассматриваться как показатель отсутствия в этих действиях идеологической основы, свидетельство их стихийности и спонтанности. В данной связи представляется вероятным рассматривать молодежные экстремистские организации как неформальные объединения, возникшие на базе межличностных связей, как отражение некоторых негативных тенденций развития молодежной контркультуры.

Показательно следующее: треть всех респондентов указывает на то, что в их регионе неприязненное отношение к людям иной национальности – довольно распространенное явление, и еще несколько большее количество (36,4%) – на то, что оно встречается, но редко.

5. Этнические стереотипы. Анализ факторов формирования этнического самосознания и этнических стереотипов молодежи осуществлялся на основе мнения экспертов. Особое внимание уделялось факторам, распределенным на три группы: семейные факторы; факторы молодежной среды; общественные факторы.

Большинство экспертов к числу главных семейных факторов экстремизма относит: педагогические просчеты в воспитании (61,29%); низкий уровень жизни семьи (58,06%). Несколько менее популярными стали ответы: психологическая ущемленность в детстве (38,71%) и отсутствие полноценной семьи (24,19%). Можно согласиться с мнением экспертов в отношении роли материального фактора в разжигании экстремизма, несмотря на то, что стабильной зависимости между участием в экстремистских организациях и родом занятий респондентов не выявлено. Но среди молодых людей, полностью неудовлетворенных своим материальным положением, доля членов экстремистских формирований несколько больше (1,22%), чем среди тех, кто полностью доволен своим материальным положением (0,89%).

Большинство экспертов соглашались с тем, что наиболее значимыми средовыми факторами экстремизма следует считать негативный опыт взаимодействия с представителями иных наций или конфессий (56,45%), а также некомпетентность в отношении традиций и обычаев других народов (53,23%). В несколько меньшей степени экстремизм, по их мнению, провоцируют ощущение национальной дискриминации, безнаказанность и правила, принятые референтной группой. Лишь незначительная часть экспертов указала в качестве такого фактора неприятие иного семейно-бытового уклада. Однако здесь необходимо сделать одну существенную оговорку: непосредственный опыт взаимодействия с представителями иных этносов и конфессий так или иначе во многом обусловлен уже сформировавшимися этническими стереотипами, наличием/отсутствием этнической или религиозной предрасположенности.

Среди общественных факторов большую роль играют уровень культуры молодых людей. В зависимости от него формируется образ представителей иных национальностей. Эксперты, прежде всего, сошлись во мнении (от 50% и выше), что именно нерешенность социальных проблем является основным фактором экстремизма; 32,26% из них связали эти факторы с деструктивными действиями СМИ; 40,32% – с пассивностью власти в решении молодежных проблем. Частично оценки экспертов, хотя и косвенно, подтверждаются в ходе опроса молодых людей. Он показал, что главными причинами национальной неприязни молодые люди называют:

- низкий уровень культуры (30,1% респондентов);
- высокий уровень криминализации некоторых этнических групп (26,47%);
- пренебрежительное отношение к культурным традициям других наций (24,47%);
- доминирование некоторых национальных меньшинств в бизнесе, власти, на рынке труда (19,07%);
- сохранение ложных стереотипов в отношении своей и других национальностей (16,07%);
- нежелание и неспособность людей допустить возможность иного образа жизни, иных ценностей (15,17%).

Для этнического самосознания значительной части молодежи (около 40%) свойственны этнические автостереотипы, выражающиеся в более или менее отчетливом признании превосходства собственной национальности. Они не являются типичными для абсолютного большинства респондентов, но остаются заметной характеристикой этнического самосознания. Само по себе представление о величии собственного этноса, вероятно, не влечет значительных негативных следствий, но в сочетании со стереотипом «своей национальности как лучшей» указывает на определенные деформации этнического сознания. Правда, необходимо отметить, что молодые люди связывают отличие своей национальности от других в лучшую сторону, главным образом, с историческим наследием (46,2% респондентов), в значительно меньшей степени участники опроса ссылаются на особые морально-нравственные качества (22,86%) и внешний облик (19,26%).

Признание равенства всех национальностей свойственно несколько меньшему числу молодых людей. При этом автостереотип «лучшего качества» своей национальности необязательно влечет ее идеализацию. Молодые люди способны увидеть и недостатки «родной национальности», они довольно взвешенно судят о ее достоинствах и отрицательных чертах. Но не являясь идеальной, своя национальность в их сознании все же отличается в лучшую сторону от окружающих. Фиксация данного обстоятельства дает нам основание говорить о значительном распространении в молодежной среде своего рода «прагматического национализма», то есть национализма, не исключающего самокритику и саморефлексию.

Для этнического самосознания более половины молодежи типично и наличие гетеростереотипов – предубежденности в отношении ряда других национальностей, прежде всего, это цыгане и представители кавказских народов. В отношении их в молодежном сознании сформирован довольно отчетливо выраженный негативный стереотип: в частности, 57% молодых людей утверждают, что есть национальности, с которыми они не хотели бы иметь дела, поскольку они враждебны коренному населению (24% респондентов), криминально активны (21% – совершают много преступлений). Экстремизм в этом случае вполне может рассматриваться как результат ложных представлений и одновременно как реакция на неготовность представителей иных национальностей следовать нормам, принятым коренным населением.

6. Этнокультурное дистанцирование. Преобладающей в сфере межэтнического взаимодействия в молодежной среде является установка на сохранение

этнокультурной дистанции либо за счет нейтрально-равнодушного отношения к представителям других этносов, либо за счет насильственного подавления в себе чувства этнической неприязни. К факторам, препятствующим сокращению этнокультурной дистанции, относится как языковой барьер, так и априорно подчеркиваемая социокультурная дистанция, выражающаяся в различии ценностей и жизненных смыслов.

Большинство опрошенных молодых людей стараются держать этнокультурную дистанцию, не форсируя сближение с представителями других национальностей, но и не пытаясь их намеренно отталкивать от себя. Несмотря на то, что каждому третьему молодому человеку приходилось в своей жизни испытывать неприязнь к человеку с другим цветом кожи или расовыми признаками, в процессе опроса 21,87% респондентов заявили, что они не обращают внимания на отличие других граждан в отношении поведения, внешности, национальной и религиозной принадлежности; еще 44,47% участников опроса спокойно относятся к людям, отличающимся от них по этим признакам. Правда, интерес к таким людям проявляют лишь 13,13% респондентов. Еще меньше (10,7%) молодых людей воспринимают отличающихся от себя контрагентов негативно; но высказываются об этом, проявляют агрессию немногим более 1% участников опроса. Для почти 5% типичен страх перед иными по своим поведенческим и этническим признакам людьми. Таким образом, доля молодых людей, стремящихся (более или менее последовательно) увеличивать этническую дистанцию, относительно невелика. Чаще всего это носители этнофобии. Но не велика и доля тех, кто пытается сократить дистанцию, например, проявляя интерес. Наиболее типично поведение, основанное на сохранении этнической дистанции.

Тем не менее, уровень межэтнического взаимодействия, особенно в крупных городах, достаточно высок: более половины респондентов имеют друзей и знакомых других национальностей. На первый взгляд, интенсификация межнационального общения в условиях микросреды создает благоприятные предпосылки для сокращения этнокультурной дистанции, роста толерантности. Однако, к сожалению, общаясь с людьми иных национальностей, участники исследования мало знают об их образе жизни, истории, культуре, ценностях. Во многом подобная некомпетентность обусловлена недостаточно выраженным интересом, своего рода «этническим равнодушием». Низкий уровень информированности молодых людей о различных социокультурных аспектах жизни других национальностей стимулирует национальную неприязнь и сохранение значительной этнокультурной дистанции, и экстремизм в данном случае выступает как результат неэффективности межнациональных контактов.

7. Ситуативная нетерпимость младших возрастов. Несмотря на то, что опрос фиксирует довольно высокий уровень распространенности этнических стереотипов, этнической интолерантности в молодежной среде, проявляющейся, прежде всего, в отказе более половины молодых людей иметь дело с представителями некоторых национальностей, эта интолерантность носит не абсолютный, а относительный характер. Ее можно назвать ситуативной, то есть проявляющейся в отношении отдельных людей и при вполне определенных условиях. Этническая нетерпимость не одобряется подавляющим большинством молодых людей. Но при этом лишь менее пятой части респондентов последовательны в том, что национальность не влияет на их отношение к человеку. В несколько большей степени национальная интолерантность свойственна младшей возрастной подгруппе молодежи (14–19 лет). Судя по полученным данным, возраст влияет на уровень этнической терпимости, несмотря на то, что это влияние не является резко выраженным. Чем моложе респонденты, тем реже они осуждают национальную неприязнь в ее конкретных проявлениях. Объяснение данному обстоятельству следует, скорее всего, искать в специфике юношеской психологии: юноши более склонны

к крайностям, кроме того, они более резко и спонтанно реагируют на ситуацию, далеко не всегда затрудняя себя ее анализом, а именно ситуация выступает своеобразным «спусковым механизмом» этнофобии.

8. Нежелание «делиться ресурсами». Молодежь в целом дает очень сдержанные оценки возможности «проникновения» представителей «некоренных» этносов в социальное пространство региона, особенно в публичную сферу. В своем большинстве молодые россияне сдержанно позитивно относятся к взаимодействию с представителями некоренной национальности в различных сферах общественной жизни. Они в целом сравнительно благожелательно настроены по отношению к заключению межнациональных и межрасовых браков (20,57% и 19,43% респондентов соответственно), к открытию национальных школ (19,23%), национальных мест отдыха (16,93%). Очевидно, все это – действия, которые укладываются в стереотипы должного поведения для других национальностей, кроме того, в данных сферах, скорее всего, ощущается наименьшая конкуренция. Но значительно более сдержанно респондентами воспринимается присутствие некоренной национальности среди представителей власти (7,03% положительных оценок), в руководстве коммерческими структурами (5,03%), наличие в городах «национальных кварталов» (8,87%), а также создание национальными меньшинствами политических и общественных объединений (8,2%). Здесь, видимо, респондентами в большей степени ощущаются опасения в «захвате» представителями «некоренных» национальностей базовых позиций в социальной структуре общества. Экстремизм в данном случае представляет собой следствие нежелания делиться властью и ресурсами.

9. Неприятие нерегулируемой миграции. Абсолютное большинство молодежи выступает за жесткое регулирование миграции. Около 40% считают, что приток мигрантов следует ограничить, а около 10% – за полный запрет миграции. Часть молодежи настаивает на ограничении доступа в регион лишь представителей некоторых этносов (цыган, чеченцев, армян, китайцев, грузин, дагестанцев, азербайджанцев, вьетнамцев). К числу главных причин, из-за которых молодежь требует ограничить миграцию, относятся: враждебность мигрантов по отношению к этносу респондента – 24,47% респондентов; криминализация («они совершают много преступлений») – 21,87%; неприязнь иного быта и традиций – 13,73%; отличие культуры и быта мигрантов от местных – 8,33%. Ответы респондентов показывают четкую установку на культурную ассимиляцию мигрантов, особенно в публичной сфере. В представлении почти половины молодых людей мигранты могут следовать своим традициям, говорить на своем языке, но только в частной, бытовой сфере (46,2% респондентов). Четвертая часть молодежи (25,93%) считает, что мигранты должны следовать всем традициям и нравам местного населения, и лишь 15,37% полагают, что мигранты могут сохранить собственный образ жизни и язык. Экстремизм в данном случае представляет собой следствие «мигрантофобии».

Новые вызовы – новые тренды: от администрирования к технологизации

При всей очевидной актуальности борьбы против экстремизма и ксенофобии в любой социальной среде многие аспекты ее планирования и практического осуществления остаются далеко не очевидными и требуют, по меньшей мере, предварительного анализа, осуществляемого *sine ira et studio* (без гнева и предубеждения). Сделать это крайне трудно, поскольку тема экстремизма и ксенофобии, особенно среди молодежи, является в высшей степени мифологизированной.

Естественным (и крайне негативным) следствием мифологизации проблемы распространения экстремизма и ксенофобии в молодежной среде остается при-

менение упрощенных организационных схем противодействия данным явлениям, для которых типичны несколько черт:

– неадекватное целеполагание, связанное с постановкой завышенных целей и формулировкой утопических по своей природе ожиданий;

– установка на сочетание двух форм противодействия экстремизму и ксенофобии – администрирования и воспитательной работы;

– смещение адресата, поскольку меры по противодействию экстремизму и ксенофобии довольно часто не ориентированы на конкретные целевые группы, являющиеся наиболее вероятными носителями этих видов социальных отклонений. Они реализуются в отношении тех молодежных когорт, которые наиболее доступны для проведения акций и могут быть мобилизованы при затрате минимальных ресурсов, но при условии достижения максимального демонстрационного эффекта.

Фиксируя отмеченные черты процесса противодействия экстремизму и ксенофобии, подчеркнем три обстоятельства. Во-первых, они отражают типично бюрократический подход к делу, в котором доминирует формальное восприятие решаемых задач. Довольно очевидным является утверждение о том, что «рядовой чиновник живет для того, чтобы выполнять указания. Всякая самостоятельность и инициатива пресекаются. Эта привычка не меняется и тогда, когда он попадает в сферу, связанную с выработкой политических решений. И в этом случае он ожидает указаний или инициативы от других» [Макаренко 1989, с. 37]. Во-вторых, указанные особенности не являются абсолютными характеристиками, они наиболее типичны, но при этом не исключают неформального отношения к делу со стороны отдельных социальных институтов, граждан и их объединений. В-третьих, даже формально-бюрократический подход к организации противодействия деструктивным явлениям, акцент на борьбе с ними имеет ряд позитивных следствий, которые невозможно не учитывать. Прежде всего, он заостряет внимание на существовании проблемы и необходимости ее решения. Кроме того, он мобилизует более или менее значительные группы людей, приглашая их к участию в процессе противодействия экстремизму и ксенофобии. Наконец, даже при условии такого подхода для противодействия этим явлениям выделяются ресурсы, которые подкрепляют инициативу антиэкстремистских сил.

Вопрос, следовательно, сводится к тому, насколько эффективен традиционный подход и, если он не оптимален, что необходимо сделать для достижения лучшего результата.

Безусловно, не претендуя на окончательное решение всего комплекса возникающих в данной связи проблем, предположим, что для этого необходимо существенно изменить сам подход к проблеме противодействия экстремизму и ксенофобии в молодежной среде. Изменение подхода мы связываем с решением двух принципиально важных задач.

Первая из них заключается в демифологизации процесса распространения экстремизма и ксенофобии. Вторая – в технологизации противодействия этим негативным явлениям, в воздействии на них с учетом основных элементов управленческого цикла. Под демифологизацией мы понимаем постепенное и последовательное преодоление стихийно сложившихся и целенаправленно сформированных мифов, стереотипов и иллюзий, дающих ненаучную интерпретацию различных аспектов формирования и распространения экстремистских и ксенофобских идей, взглядов, настроений и предубеждений. Данная задача представляется нам наиболее сложной из двух указанных задач в силу нескольких обстоятельств:

- любые социальные мифы отражают доминирующие в сознании их создателей ценности и смыслы, которые относятся к наиболее устойчивым образованиям общественного сознания;
- периферию социальных мифов (экстремистских и об экстремизме) составляет комплекс эмоционально окрашенных образов, переживаний, символов и

знаков. Многие из них в силу традиции стали культурными архетипами для их носителей;

- особенностью экстремистской и возникающей по поводу экстремизма мифологии является эклектичность, ограничивающая возможности противодействия экстремизму, если такое противодействие осуществляется на основе «специализированного» подхода, при котором его противники пытаются более или менее последовательно развенчать мифы в какой-то иной сфере. Как и вся экстремистская мифология, профилактика требует синкретичности, своего рода комплексности (универсальности). Однако достичь это бывает сложно в силу отсутствия знаний у специалистов в какой-то одной области знаний, относящихся к смежным областям.

Учитывая указанные обстоятельства, следует признать, что демифологизация экстремизма и ксенофобии не может основываться на частных решениях, но должна строиться на базе долгосрочной стратегии. При этом ее успех зависит не только от способностей субъектов профилактики, но и от общего состояния массового сознания в стране, да и в мире в целом.

Мы убеждены, что экстремистские и возникающие по поводу экстремизма мифы будут популярными, пока в обществе сохраняется ситуация социальной аномии, особенно негативно влияющая на молодежь. Генезис этой ситуации относится к 90-м гг. XX в., «запустившим» процесс разрушения ценностей, дискредитацию общественно значимых, консолидирующих идей, предопределивших ориентацию практически каждой статусной группы на свою «особую правду». Этот процесс привел к аномальной композиции индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи. Ж.Т. Тощенко определяет это как «рождение уникального явления – парадоксального человека». Он пишет: «Выдвинув данную концепцию, автор сделал заключение, что оно [общественное сознание – В.Б.] не только расколото, раздроблено, противоречиво, но и зачастую парадоксально» [Тощенко 2004, с. 4]. Эти ориентации довольно наглядно проявились в сознании молодежи, которое по мере развития новейшей российской истории становилось все более противоречивым, а потому – мифологичным, ибо миф в этих условиях превращался в одно из немногих средств, способных соединить (интегрировать) «расколотую» реальность. Характерными чертами молодежного сознания стали:

- социальное дезертирство;
- алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда;
- тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспектив;
- пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие.

Данные характеристики массового сознания молодежи делают его максимально восприимчивым к мифологии, в том числе и к мифологии экстремизма. Эту восприимчивость мы определяем как идеологическую виктимность, выражающуюся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием.

В сложившихся условиях демифологизация экстремизма и ксенофобии, рассматриваемая в широком плане, означает рационализацию духовного мира молодежи и практики отношений, которые складываются между молодежью и социальными институтами. Под рационализацией мы понимаем изменение сознания и поведения молодых людей по модели социокультурной модификации, предпо-

лагающей изменение доминирующего класса реакций (социальной нормы). Это означает внедрение эффективных практик управления сознанием молодежи, которые в некоторых отношениях носят формально манипулятивный характер.

Безусловно, подобная постановка вопроса будет вызывать возражения, так как манипуляции, представляющие скрытое управление людьми, дающее субъекту управления односторонние преимущества [Шейнов 2001, с. 4], являются видом деятельности, однозначно осуждаемым демократическим сообществом. В сущности, любая манипуляция построена на неравенстве контрагентов взаимодействия в отношении ресурсов (прежде всего, информационных) и использовании этого обстоятельства доминирующим контрагентом в своих интересах. Однако целесообразно учесть несколько соображений, определивших целесообразность и обоснованность сформулированного нами тезиса.

Прежде всего, отметим, что мы предлагаем не манипуляции, но социокультурную модификацию молодежного сознания. При всей формальной близости эти понятия имеют свои особенности. Модификация предполагает целенаправленное изменение сознания, ориентированное на заранее сформулированные социальные нормы, имеющие однозначно позитивный (и даже легитимный) характер. Манипуляция безотносительна к проблеме социальности (асоциальности) цели или нормы. Модификация осуществляется открыто, однако в отличие от традиционного воспитательного воздействия она включает не только (и не столько) убеждение, но коррекцию психики, затрагивающую подсознание.

Модификация сознания в нашем понимании неразрывна с рационализацией воздействия на молодых людей. В содержательном отношении рационализация означает:

- утверждение понятийного мышления, проявляющегося в способности дать дефиниции широкому кругу явлений, в том числе и относящихся к психоэмоциональным состояниям, возникающим в ходе межличностного и межгруппового взаимодействия;
- формирование навыков критической оценки и самооценки не только и не столько на основе личного опыта и базирующегося на нем здравого смысла, но на основе использования научных знаний, хотя бы и представленных в популярном виде;
- наличие ясного представления о собственных целях и целях окружающих, формулируемых в адекватных понятиях;
- обретение способности к альтернативному мышлению, предполагающему допущение различных вариантов развития ситуации, умения выбрать наиболее оптимальный вариант и обосновать этот выбор.

Вместе с тем экстремистские и ксенофобские мифы в силу их глубокой укорененности в человеческом сознании и постоянной подпитки совокупным воздействием квазирациональных тенденций социальной среды и манипулятивными практиками, по нашему глубокому убеждению, не могут быть преодолены лишь одним обращением к разуму их носителей. Напротив, в данном случае возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: для того чтобы преодолеть эти мифы, следует максимально рационализировать молодежное сознание. Но его рационализация будет эффективной лишь при условии использования модификационных практик, ориентированных на нерациональные элементы сознания и поведения.

Демифологизация проблемы экстремизма и ксенофобии в молодежной среде не является самоцелью: она лишь создает реальные предпосылки для минимизации распространения этих явлений, которая, как мы уже отмечали, может быть успешной лишь при условии максимально технологического (социально-технологического) подхода со стороны субъектов управления.

Технологизация требует использования в практике противодействия экстремизму и ксенофобии системы процедур преобразования действительности, необходимыми признаками которых являются:

- целесообразность, сознательность действий, выражающаяся в четкой формулировке целей, способности выстроить их иерархию, опираясь на представление о наиболее актуальных социальных проблемах;
- упорядоченность и планомерность деятельности, которые возможны на основе отмеченной выше целесообразности, с одной стороны; с другой, – являются логическим следствием наличия концепции управления;
- расчлененность и дифференцированность действий. Социальные технологии имеют место лишь в тех случаях, когда осуществляется разделение социального действия на отдельные процедуры;
- рациональность, научный подход. Социальные технологии могут опираться только на рациональное отношение к действительности и на научное знание;
- рефлексивность, условием которой является постоянная критическая самооценка субъекта социального действия, применяемых им методов познания и преобразования социальной действительности.
- К сожалению, на практике технологический (социально-технологический) подход в профилактической деятельности является скорее исключением, чем нормой. Между тем социально-технологические решения предполагают организацию противодействия экстремизму и ксенофобии с учетом основных элементов управленческого цикла, в котором выделяют: постановку целей и задач на основе объективной диагностики существующей проблемы; принятие решений; организацию деятельности и анализ достигнутых результатов с последующей коррекцией деятельности и постановкой новых задач.

Исходным пунктом их решения является системная диагностика ситуации, которую эпизодические социальные опросы обеспечить не могут. Она требует разработки и реализации комплексных научно-исследовательских программ межрегионального, в крайнем случае, регионального характера. При этом такие программы должны быть обеспечены в финансовом, кадровом и информационном отношении, носить отчетливо выраженный поисково-аналитический характер и ориентироваться не столько на ситуацию, но на перспективу.

Тема экстремизма и ксенофобии не должна рассматриваться как недостаточно актуальная и обсуждаться лишь на уровне работников органов государственного и муниципального управления с привлечением церкви и ученых. Результаты реализации поисково-аналитической программы должны регулярно обсуждаться на научно-практических конференциях, к участию в которых следует более активно привлекать молодежные организации, средства массовой информации. Выводы аналитики должны лежать в основе программ практических действий, которые должны четко определять: а) цели, преследуемые в процессе противодействия экстремизму и ксенофобии; б) приоритетные целевые группы молодежи; в) адекватные формы и методы работы.

При этом мы полагаем, что радикальное решение проблемы противодействия экстремизму может быть достигнуто лишь при условии смены приоритетов социального развития общества в целом и конкретного региона. Необходима стратегия управления, ориентированная на социальный рынок, на человека и – главное – воспринимаемая молодежью как справедливая политика. Только в этом случае социальные нормы, предлагаемые молодежи обществом, превратятся в социализационные нормы, то есть будут интернализированы личностью и станут основой ее жизненной стратегии.

Крайне сложной проблемой, требующей решения в процессе противодействия экстремизму и ксенофобии, является, на наш взгляд, и проблема аутсайдерства молодежи, которая превратилась в один из феноменов молодежного сознания и поведения. Аутсайдерство – это не только маргинализация молодых людей, вытеснение их «на обочину социума» и снижение возможностей доступа к социальным ресурсам,

оно в большей части выражается в деградации личности, в сведении ее социальных реакций к агрессии вовне, оно связано с социально-психологической неустойчивостью, с отсутствием социально перспективного мышления. Для значительной части молодых людей типичен приоритет гедонистических установок на «здесь и сейчас», удовлетворение сиюминутных потребностей. Следствием этого является неумение и нежелание учитывать более или менее отдаленные последствия своего поведения.

Ориентация молодых людей на будущее могла бы способствовать преодолению общественной наркотизации. Здесь, практически, не эффективен метод массовых «акций». В регионах должна быть сформирована устойчивая система социальной работы с молодежью, которая представляет собой своеобразный «кластер» государственной молодежной политики. Мы предлагаем рассматривать данный кластер как сложную и многоуровневую, внутренне дифференцированную открытую систему, осуществляющую социальную политику в молодежной среде или реализующую социальные услуги для молодежи.

Кластер социальной работы в молодежной среде должен иметь следующие характеристики:

- завершенность и целостность;
- территориальная размещенность, так как любой комплекс охватывает определенное социальное пространство и имеет свою конфигурацию;
- сложность состава кластера, его структуры, условий функционирования и развития, а также управления им;
- наличие единых социальных нормативов;
- четкое разграничение зон ответственности субъектов управления социальной работой;
- назначение и существование кластера определяется, прежде всего, предоставлением социальных услуг молодежи, необходимостью решения молодежных проблем.

Для формирования кластера необходимо развивать систему служб, работающих с молодыми людьми, относящимися к социально незащищенным группам и группам риска, прежде всего, пребывающим в «контактных зонах» – то есть в зонах, где происходит размежевание по модели «свой – чужой». Оно, как уже отмечалось, может осуществляться по различным основаниям: чаще всего речь идет о размежевании по этническому и профессиональному принципу. Но при условии сохранения неблагоприятных социальных условий экстремизм и ксенофобия могут основываться и на иных делениях, либо экстремистский миф создаст образы мнимых противников.

Противодействие экстремизму в молодежной среде не может быть эффективным, если оно ведется органами государственного и муниципального управления без участия самой молодежи. Прежде всего, молодежи, объединенной в собственные и при этом авторитетные организации. Именно они должны выступать в качестве постоянных сотрудников и союзников государства в решении молодежных проблем. Поэтому крайне важно оказание содействия молодежным организациям, способствующих артикуляции, агрегации и представительству интересов молодежи и способных разработать и реализовывать молодежные проекты как регионального, так и общенационального уровня.

Новые информационно-коммуникационные реалии требуют обновления форм воспитательной работы с молодежью. Потенциально эффективным средством, обеспечивающим привлечение интереса молодежи, могут выступить виртуальные дискуссионные площадки (веб-конференции) по тематике молодежных проблем, размещенные на базе областного правительственного портала, а также на популярных и наиболее посещаемых молодежью ресурсах.

Особую проблему представляет противодействие манипулированию молодежным сознанием с помощью преимущественно электронных средств массовой

информации. Динамичное и направляемое информационное воздействие на индивидуальное молодежное сознание ведет к тому, что оно начинает жить в значительной степени не в реальном мире, а в виртуальном пространстве информационных фантомов. Даже повседневную, привычную и неопровержимую реальность, с которой оно сталкивается на каждом шагу, индивидуальное сознание начинает оценивать уже исходя в основном из опыта и системы ценностей, получаемых им не от своего непосредственного окружения, но от комплекса существующих в обществе информационных технологий, в первую очередь, СМИ. При этом получаемые и осваиваемые молодым человеком опыт и система ценностей являются в целом ряде случаев не вызревшими в недрах тех или иных коллективов в ходе их естественного развития, но «имплантированными» в них извне, более или менее искусственно сконструированными специалистами в области информационных технологий в соответствии с целями заказчика или же самих этих специалистов.

Ни отдельной личности, ни тем более, социальной группе практически невозможно отказаться от электронных СМИ как своеобразного социального наркотика. В этом кроется главная опасность: стремящееся к комфорту, а не к истине, более чем обычное, оторванное от объективной реальности информатизированное сознание склонно к нарастающим ошибкам, которые способны поставить на грань разрушения или, по крайней мере, дезорганизации коллектив, организующий работу данного сознания и оберегающий его от негативных воздействий внешнего мира. Безусловно, такое воздействие представляет собой не статическое или сиюминутное явление, а социальный процесс, оказывающий долговременное влияние на общественное сознание.

В этой связи представляется крайне актуальной задача обеспечения государственно-общественного контроля за деятельностью СМИ, который, не предполагая введения политико-идеологической цензуры (а именно этим обычно пугают сторонники идеи либерализации без границ), создает моральные и культурные нормы и препятствия для деструктивного воздействия, злоупотребления монополией на информацию и ведения информационных войн.

Литература

- Макаренко В.П.* Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989.
- Тощенко Ж.Т.* Фантомы общественного сознания и поведения // Социологические исследования. 2004. № 12.
- Шейнов В.П.* Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). Мн.: Харвест, М: АСТ, 2001.